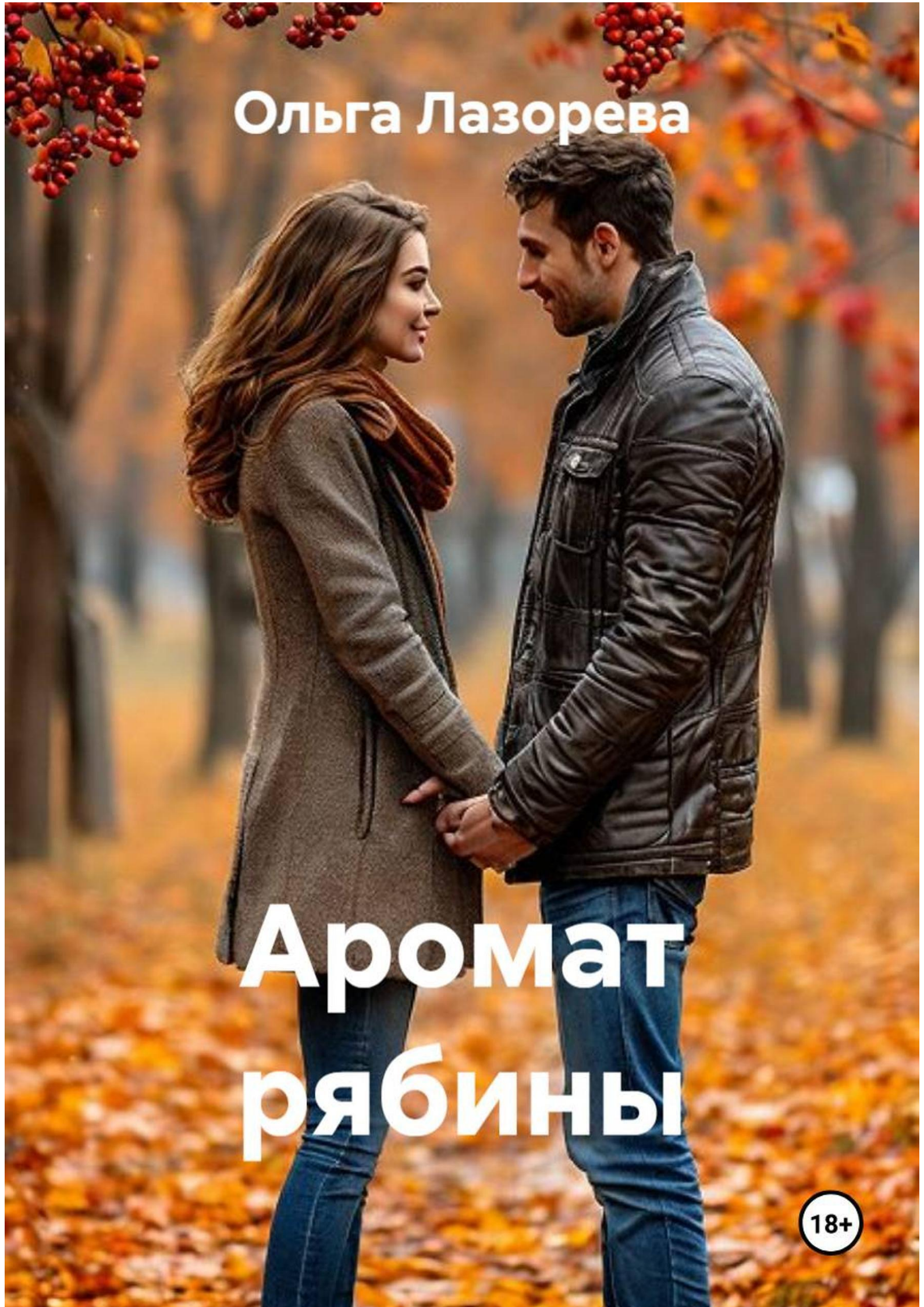

A romantic couple stands in a park during autumn. The woman, on the left, has long brown hair and is wearing a grey coat and a brown scarf. The man, on the right, has short dark hair and is wearing a black quilted jacket and blue jeans. They are holding hands and looking at each other. The background is a soft-focus park with trees and a ground covered in fallen yellow and orange leaves. In the top left corner, there are clusters of red berries on branches.

Ольга Лазорева

Аромат рябины

18+

Ольга Лазорева

Аромат рябины

«Автор»

2026

Лазорева О.

Аромат рябины / О. Лазорева — «Автор», 2026

Любовь многолика, и человечество веками пытается понять, что же это за чувство. Для кого-то это всепоглощающая, но короткая страсть, для другого – бесконечно длящаяся нежность, для третьего – уважение и забота, а для четвертного – полное подчинение. Перечислять можно до бесконечности, но единого ответа нет. И Ольга Лазорева пытается его найти, описывая в рассказах самые разные проявления этого волшебного чувства.

© Лазорева О., 2026

© Автор, 2026

Ольга Лазорева

Аромат рябины

Бузина

Карина вышла на улицу, когда солнце садилось в море. Она вдохнула насыщенный ароматами морской соли, увядших цветов и подсыхающей травы воздух и закрыла глаза, прислонившись к стене дома. Ветерок мягко касался ее горящих щек, развевал пряди волос, играл концом голубого капронового шарфа и широким подолом шелкового платья. Сладкий запах множества раскрытых чашечек мелких темно-красных роз, усеивающих выющиеся стебли, дурманил ей голову. Розы заплетали высокую шпалеру, прикрепленную к стене дома и отгораживающую уютный уголок с маленькой деревянной скамейкой и крохотным круглым столом, постоянно усыпанным лепестками облетающих цветов. Возле скамьи стояла огромная округлая ваза из необожженной глины. Вчерашний ливень наполнил ее почти доверху. Несколько расправившихся розовых лепестков плавали на поверхности воды, напоминая кусочки намоченного алого шелка. Карина решила сесть на скамейку, но в этот момент сильный порыв ветра закачал чашечки цветов, и множество лепестков полетели, словно стайки красных мотыльков. Часть их тут же упала на плиты дорожки, на стол и скамейку, некоторые застряли в пышных волосах девушки, а несколько унеслись за каменную ограду и пропали в краснеющей закатной дали. Карина невольно улыбнулась от щекочущих прикосновений летящих лепестков, стряхнула их с волос, потом провела рукой по скамье, очищая ее, и уселась, откинувшись на спинку и не сводя глаз с краешка солнца, уходящего за горизонт.

Осень в Сорренто оказалась необычайно мягкой. И Карина наслаждалась ласковым сентябрьским теплом, почти постоянно находясь в умиротворенном расслабленном состоянии. Вот и сейчас, пока сестра готовила в доме чай, она вышла на улицу полюбоваться закатом.

Карина приехала в гости к Марине, ее старшей сестре, и хотела максимально активно использовать время пребывания в Италии. Когда она собиралась сюда, то запланировала поездку в Рим, Флоренцию, хотела посетить музеи Сорренто. Как оказалось, муж Марины, итальянец Умберто, забронировал для нее одноместный номер в отеле. И Карине там необычайно понравилось. Отель выглядел, как частный пансионат, был небольшим и уютным. Ее комната находилась в оштукатуренном флигеле цвета розовой охры под черепичной крышей. Маленькая квадратная прихожая вела на крыльцо, возле которого стояло несколько коричневых керамических кадок с длинными колючими кактусами. Тут же висел кованый фонарь с матовым округлым плафоном.

Карина довольно вздохнула и начала улыбаться, но сестра запротестовала. Умберто, как поняла она, не предупредил жену, что снял этот номер.

- Ты что, Берт, обидеть меня хочешь?! – начала громко возмущаться Марина, когда вышла из машины и обозрела окрестности. – Может, у вас тут так принято, отправлять ближайших родственников в гостиницу, но у нас в России такие вещи выглядят неуважением, если не сказать больше! Я думала, мы прямо домой отправимся! У нас же огромная квартира! Тебе что, скупердяй, жалко комнаты для моей сестрицы?!

- Но, милая, - испуганно начал Умберто и даже отступил назад от разгневанной Марины, - я же хотел, как удобнее дорогой сестре. Она тут будет как на курорте.

Умберто говорил на русском отлично, но сейчас, видимо, от волнения проглатывал половину слов и неверно ставил ударения.

Карина широко улыбнулась, наблюдая за ними. Ее сестра всегда обладала взрывным темпераментом, Умберто явно ей в этом не уступал. Но так как он был старше ее на десять лет,

а Марина обладала утонченной внешностью хрупкой блондинки с незамутненным ангельским взором голубых глаз, он буквально боготворил ее. И она этим беззастенчиво пользовалась.

- Я не видела Кариночку почти год, - продолжала возмущаться Марина, - я хотела проводить с ней все время. К тому же она приехала всего на десять дней! А ты ее в какой-то захудалый отель решил поселить! Как это называется? А?! Я тебя спрашиваю!

- Милая, - нежно произнес Умберто и вытаращил черные круглые глаза, на которые уже навернулись слезы, - я не хотел тебя огорчать, я хотел сюрприз.... этот уютный номер...

- Сюрприз?! – взвилась Марина. – Я тебе сейчас устрою сюрприз! Вот соберу вещи и укачу назад в родной город с любимой сестрицей. Только ты меня и видел!

Они были из Воронежа. После окончания школы Марина поступила в институт иностранных языков. Особую любовь она питала к итальянскому языку, да и вообще увлекалась культурой и искусством Италии. И когда училась в аспирантуре и поехала на стажировку в старейший Болонский университет, то там и познакомилась с Умберто. Он когда-то окончил этот университет, специализировался на русской литературе и много лет преподавал этот предмет в колледже. А сейчас в Болонье учился его восемнадцатилетний сын Марио. Правда, он избрал своей специальностью философию. У Умберто была еще дочь, двадцатилетняя Кьяра, но она вышла замуж два года назад и постоянно жила в Милане.

Как-то вечером Марина отправилась в популярный у молодежи клуб. В компании студентки Аньезе она сидела у стойки и пила коктейль, весело болтая на разные темы. Недалеко от них устроились мужчина и парень, и они сразу обратили внимание на девушек.

- А мужчина очень даже симпатичный, - заметила Аньезе, лукаво глядя на Марину. – И он с тебя глаз не спускает.

- И что? Тоже мне невидаль!

- Невидаль? – удивилась Аньезе. – Ваши русские слова слишком многозначны!

- Короче, - усмехнулась Марина, - чего я такого не видела во внимании этого замшелого мужичка!

- О! – только и сказала Аньезе и нахмурила брови, пытаясь переварить услышанное.

- Не парься! – расхохоталась Марина и отпила коктейль.

- Парься? – черные брови Аньезе взлетели. – Это баня? Веники из берез? Непонятно. О, Марина, они идут к нам!

И девушки замолчали, одновременно приняв отсутствующий вид.

- Buona sera, bellissimo signorina! Comes va la vita? – быстро заговорил мужчина.

Парень держался чуть сзади и улыбался довольно застенчиво.

- Добрый вечер, - ответила Марина почему-то на русском.

- Поживаем хорошо, - добавила Аньезе, отвечая на его вопрос

- О! Синьориты русские?! – восхитился мужчина.

- Марина из России, она аспирантка, - обстоятельно ответила Аньезе, - а я местная. Учусь в университете.

Она назвала свое имя.

- Приятно! – воскликнул мужчина и тут же представился.

Потом обернулся. Парень улыбался, глядя на Аньезе. Его черные глаза блестели.

- Это мой сын Марио, - сказал Умберто. – Хоть он и учится в этом же университете, но он – *ma mia!* – философ! И совсем не говорит по-русски.

Аньезе засмеялась, подхватила Марио под руку и повела его на танцпол, что-то говоря ему на ухо.

Умберто подсел к Марине и внимательно поглядел в ее глаза. Она отчего-то засмушалась и быстро допила коктейль. Умберто тут же заказал еще.

- Если хотите, мы можем говорить на вашем родном языке, - предложила Марина после паузы, во время которой исподтишка изучала черные глаза, коротко подстриженные курчавые волосы с легкой проседью на висках и коренастую фигуру нового знакомого.

Он ей понравился с первого взгляда, хотя Марина понимала, что разница в возрасте, видимо, большая. Она решила, что Умберто около сорока пяти, хотя, как оказалось впоследствии, ему месяц назад исполнилось сорок. Ей было тридцать, но выглядела она намного моложе именно из-за своей хрупкой изящной красоты натуральной блондинки.

- О, нет! На русском! – воскликнул с неоправданным пылом Умберто. – Я преподаю ваш язык в колледже. Я из Сорренто. Мне полезно говорить с носителем языка. Приехал навестить сына. И какое счастье! Встретил такую прекрасную русскую синьорину! Я влюблен в вашу литературу! Она прекрасна! Bellissimo! У нас в Сорренто в этом году проводили в магазине книг статистику..., нет, не так, проводили... э-э... *matia mia*!

Умберто беспомощно посмотрел на Марину, щелкнул пальцами и сильно покраснел.

- Опрос? – предположила она.

- Да, да! – энергично закивал он. – Так получилось, что больше покупок ваш Антон Чехов!

- Чаще всего покупают его книги? – уточнила она.

- Номер один, - сказал он.

- Я рада, - без особого энтузиазма ответила она, но улыбнулась.

Умберто сцепил пальцы, вытаращил глаза и замер, в восхищении изучая лицо Марины.

Дальше события развивались стремительно. Они всю ночь гуляли по Болонье, Марина рассказала, что полгода назад рассталась со своим женихом, потому что застукала его в машине со своей ближайшей подругой. Умберто пришел в неопиcуемый ужас от подлости «этот ублюдок», и даже рвался поехать немедленно в Воронеж и «сделать из него котлет». На что Марина сказала, что уже не любит его и сейчас ее сердце свободно. Потом осторожно спросила, где сейчас мать Марио. Умберто тут же затих, потом остановился и присел на каменные ступени какого-то собора, мимо которого они проходили в этот момент. Марина остановилась рядом и в недоумении смотрела на слезы, побежавшие по круглым щекам Умберто. Он всхлипнул и уткнул лицо в ладони. Скоро он успокоился и поведал, что его жена пять лет назад погибла в автомобильной катастрофе. Марина села рядом и начала гладить его по плечу, шепча слова утешения.

Через месяц Умберто сделал предложение Марине, и она после краткого раздумья приняла его. И вот уже два года жила в Сорренто и работала в колледже вместе с мужем.

Но Карина впервые приехала в гости к сестре. Она окончила тот же университет, но филологический факультет и преподавала в школе русский язык и литературу. Марина неоднократно предлагала ей приехать в гости, но все не получалось. Но в этом году Карина решила уйти из школы. Ее совершенно не устраивала зарплата, не спасали даже частные уроки. Но пока она никуда не устроилась, находясь в каком-то заторможенном состоянии и не в силах принять никакого решения. Найти другую работу ее не подвигло даже то, что начался учебный год. И Марина уговорила приехать ее в гости.

После недолгих препирательств Умберто повез их в загородный дом. На самом деле это была небольшая двухэтажная дача на берегу Неаполитанского залива, она располагалась на высокой каменной террасе, круто обрывающейся у моря. Марина очень любила бывать здесь. И скоро крохотный садик, окружающий дачу, был приведен в порядок, кусты подстрижены, газоны засажены цветами, дорожки вычищены. Умберто не уставал восхищаться тонким вкусом жены и ее трудолюбием, и не стеснялся говорить ей об этом.

Марио на каникулы приезжал в Сорренто и обычно останавливался именно здесь. На втором этаже у него была своя комната. Кьяра с мужем и двухлетней дочкой также навещали к отцу. Они все искренне привязались к Марине и по-своему полюбили ее. Умберто вна-

чале боялся, что с появлением русской девушки отношения в семье испортятся, и сейчас не мог нарадоваться, что все сложилось так удачно. Они, конечно, ссорились, и даже били посуду, но примирения были не менее бурными.

- Сестричка, ты где? – раздался голос Марины, и она выглянула из дверей. – Пирог готов! Вкусный, пальчики оближешь!

Но Карина даже не пошевелилась. Она сидела, прислонившись к спинке скамьи, и не сводила глаз с закатного ярко-красного неба. Марина зашла за шпалеру и остановилась, глядя на красные пятна лепестков, усеивающие плиты дорожки. Потом склонилась к сестре и сняла с ее пышных темно-каштановых волос несколько лепестков.

- Ну вот, - огорченно произнесла она, - как быстро розы облетели. Вчерашний ливень поспособствовал.

- Да, - кивнула Карина и повернула голову.

Ее серые глаза смотрели спокойно, губы улыбались. От закатного освещения лицо казалось матовым и нежно-розовым, а глаза глубокими и яркими.

- Какая ты все-таки хорошенькая! – не удержалась Марина. – Надо тебя замуж выдать и срочно!

Карина усмехнулась и отрицательно покачала головой.

- Ты возражаешь? – спросила Марина. – Тебе ведь уже тридцать через месяц! Куда тянуть дальше? Пора, давно пора! Да и о ребенке нелишне задуматься, - после паузы добавила она.

- Сама-то! – засмеялась Карина. – Что-то не очень задумываешься! И как тебя все еще Умберто не уговорил, не понимаю!

- Уже уговорил, - тихо сказала Марина и неожиданно зарделась.

- Маришка! – обрадовалась Карина и вскочила со скамьи. – Счастье какое! Мама с папой как обрадуются! Ты уже сообщила?

Она обняла Марину и закружила ее по узкому пространству между скамьей и шпалерой.

- Пока нет. Отпусти! – расхохоталась та. – А то уронишь!

- Надеюсь, твой муж в курсе, - весело сказала Карина.

- А как же! Берт прямо не в себе, как узнал. Уже третий месяц.

- Это счастье для него!

- Еще бы, - ответила Марина. – И он без конца твердит, что это благословение Божьей Матери.

В этот момент они услышали звук подъехавшей машины.

- О, Берт приехал, - озабоченно произнесла Марина. – Пошли в дом!

Умберто был не один. Он вошел в гостиную вместе с высоким стройным черноволосым мужчиной. Тот держал в руках плетеную бутылку с вином и нарядную коробку с конфетами.

- О! Grazie mille! – быстро поблагодарила Марина, принимая коробку.

Потом повернулась к сестре и тихо пояснила, что это ее любимые конфеты из Флоренции, которые выпускают только там, и они необычайно вкусные.

- Di niente, - мягко ответил мужчина бархатным низким голосом и глянул на Карину.

- Не за что, - машинально перевела Марина сестре и недовольно посмотрела на Умберто. – Ты не хочешь нас представить, дорогой? – поинтересовалась она и мило улыбнулась гостю.

- О, простите, дорогие! – рассыпался в извинениях Умберто. – Это мой друг Бьяджо, вчера приехал в Сорренто, будет работать в нашем колледже. Он говорит по-русски хорошо. Но сейчас стесняется.

- Buona sera..., - начал Бьяджо, но запнулся, улыбнулся и мягко продолжил на русском:

- Добрый вечер, дамы! Позвольте выразить восхищение вашей красотой. Русские женщины самые прекрасные в мире!

Акцент был сильным, но выразительное лицо Бьяджо говорило лучше всяких слов. И он не сводил глаз с Марины.

Поздно вечером, когда все разошлись по своим комнатам, она долго не могла уснуть. Ворочалась с боку на бок, взбивала подушку, подтыкала одеяло, потом пыталась считать, затем вспоминала стихи любимых поэтов и про себя повторяла их, но сон не шел.

Промучившись около часа, Карина встала, накинула махровый халат и подошла к окну. Раскрыв его, удивилась теплоте потока воздуха. Ветер явно поменял направление, море казалось огромным матово-синим незамутненным зеркалом с тонкими серебряными линиями лунной дорожки, от земли густо пахло завядшими розами, какой-то терпкой травой и почему-то подсыхающими дольками яблок. Карина вздохнула, села на подоконник и стала смотреть на луну, зависающую над туманным горизонтом огромным желтоватым диском.

- Плачут сирени под лунный рефрен. Очи хохочут песчаных сирен. Лунные плечи былинной волны. Сонные сонмы весенней луны, - нараспев декламировала Ирина строфу из стихотворения Игоря Северянина.

- Только не весенней, а осенней луны, в моем случае, - зачем-то добавила она и улыбнулась.

Потом закуталась в халат, обняла себя за плечи и задумалась, не сводя глаз с лунной дорожки.

В жизни Карины был переломный момент. Она не только ушла из школы, но и разорвала отношения с Андреем. Они встречались два года, и ей казалось, их любовь нерушима. Андрей, ее ровесник, был родом из села Землянка Семилукского района, работал на воронежском заводе «Электроприбор» фрезеровщиком, жил в заводском общежитии. Карина несколько раз ездила в его село, была знакома с его родителями, которые жили в обычном деревенском доме с удобствами во дворе. Но ей очень нравился и этот дом из толстенных бревен, построенный еще в позапрошлом веке дедом Андрея, и просторный двор с коровником и баней и большой, в двадцать соток, огород. Она любила наблюдать в окно, затянутое старенькой кружевной тюлевой шторкой, за неторопливой жизнью деревенской улицы.

Куст бузины, росший в палисаднике, также занимал ее. Карина обожала творчество Марины Цветаевой и когда видела этот куст, то мгновенно вспоминала ее неоднозначное стихотворение «Бузина».

- Бузина цельный сад залила!

Бузина зелена, зелена,

Зеленее, чем плесень на чане!

Зелена, значит, лето в начале! – твердила Карина про себя, глядя на куст.

Она всегда старалась найти собственное видение творчества любимых поэтов. А стихи Цветаевой считала творениями даже не для сегодняшнего века, а как минимум для 22-ого. Их сжатость, информативность и многослойность казались ей языком будущего, который нужно еще научиться понимать, причем не глазами, а сердцем, душой, интуицией.

...А потом - через ночь - костром

Ростопчинским! - в очах красно

От бузиновой пузырчатой трели.

Красней кори на собственном теле...

Карина старалась понять состояние поэта в тот момент, когда писались эти строки. Она, конечно, много читала статей признанных цветистов. К тому же преподавала литературу в старших классах, и поэзия Серебряного века была ее любимым разделом школьной программы. Она тщательно готовилась к урокам, но часто видела, что ученики в силу возраста не в состоянии до конца понять такое сложное мироощущение, каким обладала Марина Цветаева. А без понимания этого невозможно было принять и ее творчество.

Андрей не разделял увлечение подруги поэзией. Он был обычным парнем, милым, добропорядочным, со спокойным уравновешенным характером. И звезд, что называется, с неба не

хватал. Он приехал в Воронеж, закончил ПТУ, благополучно устроился на завод и вел обычную жизнь заводского работника.

Они познакомились случайно на автобусной остановке. Карина, выходя, поскользнулась на обледеневшей ступеньке, Андрей подхватил ее и помог спуститься. Задержав взгляд на ее серых глазах и пушистых каштановых волосах, выбивающихся из-под белой вязаной шапочки, он замешкался. И автобус ушел без него. Андрей остался. Он стоял, так и не отпустив руку незнакомки. Она скользнула взглядом по его раскрасневшемуся лицу с правильными красивыми чертами, по темно-карым глазам, с казавшимися длинными от заиндеветших кончиков ресницами, по широким плечам и, отчего-то засмущавшись, опустила взгляд.

- Простите, - невпопад сказал Андрей.

- Это вы простите, - ответила она. – Из-за меня вы упустили транспорт.

- Ничего страшного, - заявил он. – А вы тут рядом живете?

- Нет, я здесь работаю в школе, - сказала она и заторопилась.

- Ах да, остановка так и называется «Школа», - заметил Андрей и пошел рядом.

- Извините, но я на урок опоздаю, - нервно сообщила она.

И Карина прибавила шаг. Она шла, не оглядываясь и удивляясь своему смущению. На крыльце все-таки обернулась. Андрея видно не было. Она вздохнула, отчего-то сильно огорчилась и зашла внутрь.

Каково же было ее удивление, когда после окончания занятий она увидела возле школы Андрея. Он внимательно вглядывался во всех проходящих мимо девушек, и, увидев Карину, широко заулыбался и бросился к ней. Она почувствовала, как радость вспыхнула в душе, улыбнулась в ответ и разрешила проводить ее до дома. Они начали встречаться. Андрей особым романтизмом не отличался, но его ненавязчивые и какие-то обстоятельные ухаживания вначале устраивали Карину. Складывалось впечатление, что если ему понравилась девушка и тем более согласилась с ним встречаться, то создавать сложности было не в его правилах.

На второй неделе он признался ей в любви, а на третьей предложил выйти замуж. Но Карина, воспитанная на романтике поэтов Серебряного века, внезапно почувствовала разочарование от такого прагматичного подхода. И когда она заявила, что хочет подумать, Андрей искренне не понял.

- Но ведь я люблю тебя, - сказал он. – И ты, судя по всему, меня любишь. И чего тут особо раздумывать? Пошли в загс!

- Нельзя торопиться в таких вопросах, - уклончиво ответила она. – Мы должны лучше узнать друг друга.

- Зачем? – вновь не понял Андрей. – Я и так тебя знаю. И я сразу понял, что ты мнеходишь. И потом, Кариша, тебе ведь не восемнадцать вообще-то! А уже двадцать восемь. Ты не думала, что засиделась в девках даже по современным меркам?

Карину последнее замечание окончательно охладило, и она упрямо сказала, что должна подумать. И вот думала уже почти два года. Андрей попробовал вернуться к этому разговору еще раз, но она поджала губы и промолчала. И больше он не настаивал.

У них установились ровные стабильные отношения. Карина жила в двухкомнатной квартире с родителями, Андрей все так же в общежитии. Иногда, правда, он ночевал у нее. Родители не возражали, считая его женихом. Они были уверены, что свадьба не за горами. Но Карина почему-то не могла решиться дать согласие. Она хорошо относилась к Андрею, чувствовала себя с ним спокойно, знала, что он никогда не предаст, но именно эта предсказуемость расхолаживала ее. Ей становилось скучно, пыл угасал, и казалось, что чувства исчезают.

Она запоем читала биографии поэтов, воспоминания современников, трепетала от трагичности судеб, от накала страстей, восхищалась умением любить ярко и неординарно. И ей казалось, именно такая любовь и есть настоящее счастье, а у нее с Андреем просто приземленная привязанность и желание тихих семейных радостей, как у всех. Они практически никогда

не ссорились. Андрей был уступчивым, мягким и простым парнем. К тому же Карина старалась не раскрывать перед ним душу, считая его хоть и замечательным человеком, но недалеким и неспособным понять те внутренние противоречия, которые иногда мучили ее. Она, правда, пыталась в самом начале знакомства приобщить его к трагической и таинственной прелести литературы Серебряного века, но, видимо, начала неудачно, выбрав Игоря Северянина. Андрей послушал с полчаса ее взволнованный рассказ о его судьбе и многочисленные цитаты из стихотворений, а потом заявил, что «мужик точно на голову болен был, если сочинял такой бред». Увидев, как огорчилась Карина, Андрей обнял ее и сказал, что ему нравился в школе лишь Есенин, что он один особо «не выпендривался» и писал всем понятные вещи про березки, девушек и родину. После этого заявления у нее пропало всякое желание говорить с возлюбленным на такие темы.

И все-таки окончательно разругались они именно из-за стихов. Карина после увольнения чувствовала себя взвинченной. Она пыталась тут же устроиться в платный колледж, но место уже заняли. Андрей не до конца понял, почему она ушла из школы, но тактично молчал, видя, в каком она состоянии.

В июле он взял недельный отпуск на заводе и предложил поехать в Землянск. Она с радостью согласилась. Его родители очень обрадовались их приезду. Начиналась пора сенокоса. Андрей сразу включился в деревенскую жизнь, и все дни пропадал с отцом на лугах. Мать частенько присоединялась к мужчинам. Карина оставалась одна «домовничать», как говорили в деревне. Она готовила еду, полола грядки, собирала поспевающие ягоды смородины. И чувствовала себя отлично. А вечерами уединялась в палисаднике. Она устраивалась за кустами сирени на крохотной деревянной скамейке с книжкой и читала свои любимые стихи. Или просто сидела, устремив взгляд на куст бузины с начинающими краснеть ягодками.

Вечером перед их отъездом она снова уединилась в палисаднике. Но Андрей зачем-то пришел на ее заветное место и уселся напротив девушки на толстый, но источенный жучками обрубок бревна. Карина поморщилась, но промолчала.

- Чего из-за стола убежала? – недовольно поинтересовался он. – Мать пирогов напекла, батя самогонку хорошую достал.

- Я не пью такое, ты же знаешь, – нехотя ответила Карина и закрыла томик Цветаевой, который только что читала.

- А все стишки эти! – неожиданно зло проговорил Андрей и сорвал длинную травинку, тут же начиная грызть ее кончик.

- О чем ты? – холодно поинтересовалась она.

- Голову они тебе всю задурили, вот о чем! – после паузы ответил он. – Хорошая ты девка, умная, красивая, нежная, но словно порченная. Читаешь все, размышляешь себе что-то. Непонятная ты. Вначале думал, что учительницам так и положено. Но уж столько времени тебя знаю, а ты все такая, даже когда не в школе. Я ведь обрадовался, что ты уволилась, думал, может, куда в другое место устроишься, где стишки будут без надобности.

- Не нравлюсь, давай расстанемся, – неожиданно для себя предложила Карина и почувствовала, как неприятно сильно забилося сердце.

Андрей бросил травинку и поднял на нее глаза. Он смотрел пристально и серьезно. Потом четко проговорил:

- Я люблю тебя. И люблю на всю жизнь без всяких там прикрас. Это мужская любовь, а не каких-то там твоих поэтишек, которые говорят, может и красиво, но непонятно и не по делу, а значит, так и любят.

Карина растерялась, так как никогда не видела Андрея таким серьезным. Он словно на миг приоткрыл перед ней свою сущность. И ей показалось, что это чистейшая сталь, безупречная, строгая и по-своему прекрасная.

- И ты любишь меня, - уверенно продолжил он. – Я это знаю. Просто дури в тебе много от этих книжек.

Карина не смогла сдержать улыбку. Ей вдруг показалось, что они все-таки могут найти общий духовный язык. И вместо того, чтобы искренне поговорить с Андреем о своих чувствах, она начала торопливо рассказывать о том, как размышляла, сидя здесь, о смысле цветаяевского стихотворения «Бузина». Андрей слушал напряженно, словно пытался уловить в ее словах что-то нужное именно ему.

- Ты только послушай, - торопливо говорила Карина, - как это гениально! –

Бузина, без ума, без ума

Я от бус твоих, бузина!

Степь - хунхузу, Кавказ - грузину,

Мне - мой куст под окном бузинный

Дайте. Вместо Дворцов Искусств

Только этот бузинный куст...

Она замолчала, сдерживая быстрое дыхание.

Андрей перевел взгляд с нее на куст бузины, потом зачем-то сорвал недозревшие ягоды и растер их в пальцах.

- Ты понимаешь? – робко спросила Карина.

- Ну, бузина.... И что? – после паузы ответил он. – Обычный кустарник. Он тут испокон веку растет. Он тут всегда будет. И чего я в таком случае буду так убиваться по этой бузине? Я-то никуда отсюда уезжать не собираюсь! Я на месте, на своей земле, все здесь мне близкое, все родное. И ты мне родная! Чего ж еще желать?

- Но ведь для поэта это не просто куст, - сделала еще одну попытку Карина, - это олицетворение целой жизни. Зеленые ягоды – молодость, потом ягоды краснеют, наливаются, потом чернеют. Сама природа наглядно показывает нам процесс развития жизни. И гениальная Цветаева увидела это в простой бузине и показала нам. Но там все сложнее, - заторопилась она, заметив, как поморщился Андрей. – Это ведь писалось в тридцатые годы, жизнь страны была нелегкой, сам помнишь из истории.... Недаром там такие строки... Ты вслушайся: Бузина казнена, казнена! Бузина - целый сад залила кровью юных и кровью чистых...

- Хватит с меня! – резко сказал Андрей и встал. – Я устал, весь день сено ворочал, а ты мне дурь всю эту пытаешься в мозги внедрить. Аж голова распухла! Замуж тебе пора, да ребенка родить, а ты все в облаках!

Неожиданные слезы обожгли глаза Карины. Она закрыла томик, встала и ушла в дом.

Утром они уехали в Воронеж. Когда подошли к подъезду, она остановилась у двери, загоразживая ему путь.

- Прощай! Не приходи больше, не звони, - тихо сказала она.

- Подожду, - непонятно ответил он и ушел, не оборачиваясь.

Карина почувствовала странную легкость, словно освободилась от чего-то, давящего и ненужного, и быстро поднялась в квартиру.

С тех пор они не виделись. Родители пытались выяснить у нее, куда пропал «жених», но Карина только отшучивалась. Август она провела дома, много гуляла, валялась на диване с книжкой, встречалась с подружками. Андрей не позвонил ей за это время ни разу. И она решила, что их длительные отношения были ошибкой, и они благополучно и практически безболезненно завершились.

А в сентябре она уехала в Сорренто.

- Вы не спите? – раздался голос снизу, и Карина невольно вздрогнула.

- Бьяджо? – уточнила она, всматриваясь в мужской силуэт, стоящий под окном.

Лунный свет заливал все вокруг, она видела, как серебрятся черные волосы Бьяджо, его вытянутую тень, падающую на плиты.

- Очень красиво, луна, - тише сказал он. – Ясная ночь. Тепло. А вы не спите.
- Вы тоже не спите, - усмехнулась она.
- Гулять? – спросил он. – Хотите?
- Минуту, - после паузы ответила Карина и слезла с подоконника.

Она скинула халат, торопливо натянула джинсы и кофточку, завернулась в широкий бледно-розовый трикотажный шарф и вышла из комнаты. В доме было тихо. Осторожно спустившись по лестнице, она открыла дверь и увидела Бьяджо. Он стоял возле крыльца и держал в руке крупную белую розу.

«Где он ее только взял?» - невольно подумала Карина и приняла розу.

Она воткнула ее в волосы и глянула на Бьяджо. Тот стоял неподвижно и не сводил с нее глаз. В лунном свете его лицо казалось бледным, глаза глубокими и непроницаемо черными. Но вот он широко улыбнулся, и Карина почувствовала притяжение.

- Bella! Belladonna! – восхищенно произнес он.
- Куда пойдем? – спросила она и взяла его под руку.
- А хотите, поедem в город? – неожиданно предложил Бьяджо.
- На чем? – рассмеялась она. – На палочке верхом?
- Палочке верхом? – переспросил Бьяджо и задумался. – Но на лошади это верхом. А палочка это что?

Ей становилось все веселее. Бьяджо сморщил нос и от этого выглядел забавно.

- Что это? – вновь спросил он.

- Так, не обращай внимания, - сказала она. – Поговорка такая. Я спросила, на чем мы поедem в город. Поздно очень.

- Такси вызовем, - ответил Бьяджо и достал мобильный.

Они вышли за ворота и двинулись по узкой дороге, спускающейся, казалось, прямо в сияющее лунными бликами море.

Но улочка скоро резко повернула вправо, и они оказались недалеко от территории одной из старинных вилл. Карина вспомнила рассказы Умберто, по которым выходило, что здесь раньше останавливалась русская царская семья. Бьяджо тоже, видимо, вспомнил это же.

- Здесь жили ваши цари, отдыхали в Сорренто, - сказал он и махнул рукой в сторону виллы.

- Хорошо им было, - со вздохом заметила Карина.

- А название городу дали финикийцы, - продолжил медленно Бьяджо. – Это было Сиреон. Означает - земля Сирен.

- Сирены это русалки, погубившие не одну странствующую душу, - заметила она и искоса глянула на профиль Бьяджо.

Он откинул со лба густую вьющуюся прядь и устремил взгляд вдаль на серебряное море.

В этот момент зазвонил его телефон. Он быстро ответил, повернулся к спутнице и заулыбался.

- Наше такси, - пояснил он. – Едет.

И минут через пять из-за поворота вывернула машина и плавно подкатила к ним. Бьяджо помог девушке усесться на заднее сидение, разместился рядом, привалившись к ней плечом. Она почувствовала терпкий и горьковатый аромат его духов. Запах ей понравился. Он что-то быстро проговорил, повернувшись к ним водителю. Тот белозубо улыбнулся и энергично закивал.

Бьяджо привез Карину в центр города на площадь Тассо. Отсюда начиналась торговая улица Корсо Италия с дорогами магазинами, барами, ресторанами и красивым собором, построенным в XV веке. Несмотря на позднее время, улица выглядела оживленной. Бьяджо медленно пошел по ней, рассказывая разные истории о зданиях. Как выяснилось, он был родом

из Сорренто, какое-то время учился за границей, потом стажировался в Миланском университете, работал там. А сейчас вернулся в родной город по личным обстоятельствам.

- Вы были женаты? – довольно бестактно поинтересовалась Карина.

- Был, но уже нет, - ответил он после продолжительной паузы, - она осталась в Милане.

И Карина больше вопросов на эту тему не задавала.

Они зашли в маленький уютный бар. На круглых деревянных столиках мерцали огоньки свечей. Свободное местечко оказалось в самом углу возле окна. На широком подоконнике высились горшки с какими-то зелеными кустиками, сплошь покрытыми мелкими розовыми цветочками. Официантка принесла их заказ, улыбнулась и что-то певуче проговорила. Бьяджо весело ответил ей и закивал.

- Пожелала нам встретить здесь рассвет, - пояснил Бьяджо, когда она удалилась.

- А сколько сейчас времени? – засмеялась Карина.

Он достал телефон и показал ей светящиеся цифры на дисплее.

- Половина четвертого, - сказала она. – Мы, и правда, тут рассвет встретим.

- Встретим, - закивал Бьяджо и взял ее пальцы в свои.

Они были теплыми и чуть подрагивали.

- Ты очень красива, - сказал он. – Я влюблен. И давно.

- Давно? – удивилась Карина.

- Умберто показывал мне фотографии. Они поженились, и он показывал сестру Марины, хвастил, какие красавицы в России.

«Вот значит, в чем дело, - подумала она. – Бьяджо специально пригласили в гости, чтобы со мной познакомиться. Ну, Маринка получит у меня! Хотя ее можно понять».

Карина пристально посмотрела в глаза Бьяджо. Он улыбнулся как-то беспомощно и отпустил ее пальцы.

- Cin-cin, – произнес он и приподнял бокал с красным, как рубин, вином.

Карина коснулась своим бокалом его. Они выпили.

- Я нравлюсь? – после паузы спросил он.

- Да, - кивнула она.

Бьяджо вздохнул и улыбнулся немного застенчиво. Они пили, подолгу молчали. Но Карина чувствовала себя комфортно, словно давно знала этого человека. А то, что Бьяджо хорошо говорил на русском, делало его еще ближе.

Когда начало светать, они покинули бар. Бьяджо привел ее на набережную, и у девушки захватило дух от открывшегося вида. Море казалось неподвижным. Оно разительно напоминало огромное плоское серо-синее блюдо, доверху наполненное голубовато-жемчужным туманом. Край этого блюда постепенно становился розовым. И Карина, не отрываясь, смотрела на подъем солнечного диска. Бьяджо робко взял ее за руку. Ей было приятно ощущать прикосновение его прохладных пальцев. Она чувствовала, что он смотрит на нее, но головы не поворачивала.

- Италия самая прекрасная страна в мире, - неожиданно сказал Бьяджо и сжал ее пальцы. – Счастье жить здесь.

- Да, - тихо согласилась Карина.

- Ты хотела бы? – еле слышно спросил он.

- Возможно, - ответила она.

Они замолчали.

Когда солнечный диск поднялся из тумана и позолотил море и небо, Карина вздохнула и пошла по набережной. Она чувствовала себя наполненной гармонией. Они свернули в улочку, и медленно двинулись между старинными каменными домами. Когда поравнялись с высоким готическим собором, Бьяджо незаметно перекрестился и поцеловал сложенные пальцы.

Он не поехал на дачу, сказав, что у него дела в городе. Посадив девушку в такси и поцеловав на прощание, попросил извиниться за себя перед Умберто и Мариной и пообещал, что вечером обязательно приедет. Она улыбнулась в ответ, откинулась на спинку сидения и закрыла глаза.

Когда такси поехало, водитель пытался что-то рассказывать ей, без конца поворачивал голову и улыбался. Он явно жаждал общения, но Карина, послушав пару минут его быструю речь, отрицательно покачала головой и пробормотала:

- Не понимаю... Я русская....

Он заулыбался еще шире, но скоро замолчал.

Карина почувствовала спад настроения. Странная апатия навалилась на нее. Какое-то время она смотрела в окно, потом вновь откинулась на спинку и закрыла глаза. Ее мысли отчего-то унеслись в родной город. Она вспомнила улыбку мамы, потом ясно увидела темные внимательные глаза отца, неожиданно почувствовала, что уже соскучилась и искренне удивилась этому. Затем перед ее внутренним взором появилась бузина. Она увидела сидящего на бревне рядом с кустом Андрея, и ее сердце сильно забилося. Что-то в этой картинке необычайно волновало ее, будило уснувшие чувства. Карина ощутила, как повлажнели глаза. Она попыталась отогнать эти мысли, выпрямилась и стала смотреть в окно. Они ехали мимо какой-то помпезной виллы, возвышающейся на крутом скалистом берегу.

«Бог мой! – подумала она, изучая серые каменные стены невысокой ограды и белое вычурное здание, видевшееся за нею. – Что я здесь делаю? Зачем мне все это? Ведь все это такое чужое!»

Водитель высадил ее у ворот дачи и уехал. Дверь тут же распахнулась, и появилась Марина. Она встревожено вглядывалась в лицо сестры, потом начала улыбаться.

- И как это называется? – начала возмущаться она. – А ведь ты знаешь, что в моем положении волноваться нельзя! Хорошо Бьяндо позвонил и предупредил, что ты едешь. А то просыпаюсь я и вижу, что твоя комната пуста. И что я должна думать, по-твоему? И как тебе он? – без перехода спросила она.

- Симпатичный, - нехотя ответила Карина. – Мы гуляли по городу, в баре сидели. Ты зря так волнуешься. И я уже взрослая девочка.

- Я так рада! - быстро говорила Марина, заходя в дом. – Что ж ты его с собой не привезла? Я пирог яблочный испекла.

Дом был наполнен восхитительным запахом печеных яблок, ванили, корицы и теплой сдобы. Карина почувствовала, как голодна.

- И где твой пирог? – засмеялась она. – Я просто умираю с голоду!

- Тогда, может, пасту? А к ней креветочный соус?

- Давай! – обрадовалась Карина и начала подниматься по лестнице. – Я мигом!

Она зашла в свою комнату и быстро привела себя в порядок. На душе становилось все радостнее, все легче. Раздался звонок.

«Вот Маринка нетерпеливая!» – подумала она, хватая телефон.

- Иду я, Мариш! Боишься, макароны твои остынут? – весело проговорила она.

Но ей никто не ответил.

- Эй! – позвала Карина.

- Это я, привет, - раздался мужской голос, и волнение обожгло ее.

- Привет, Андрюша, - ответила она после паузы, во время которой пыталась успокоиться.

- Не ожидала, что это ты.

- Я заходил к твоим вчера, - сказал он. – Мать сообщила, что ты в Италии.

- Сестру навещаю, - ответила Карина.

- И как там? – непонятным тоном поинтересовался Андрей.

- Замечательно! – засмеялась она. – Сорренто очень красивый город. А Маринка ждет ребенка! Я стану тетей! – зачем-то добавила она.

- Поздравляю, - тихо ответил Андрей.

- Спасибо.

Они замолчали.

- Карин! – раздался голос снизу. – Долго тебя ждать-то? Ты ж вроде с голоду умирала!

- Извини, меня зовут, - сказала она.

- Хорошо, пока! – ответил Андрей и положил трубку.

«И чего звонил? – подумала она. – Ничего толком не сказал».

Но в душе поселилась нечаянная радость. И слова, в общем-то, были не нужны. Правда, Карина не вполне понимала природу этой радости. Ей было хорошо просто оттого, что он позвонил. А ведь Карина считала, что в ее душе все давно умерло к этому человеку, что чувство, если оно и было, угасло само собой.

- Кровью веточек огнекистых -

Веселейшей из всех кровей:

Кровью сердца - твоей, моей..., - пробормотала она пришедшие на ум строки из «Бузины» и вновь начала улыбаться.

После завтрака Умберто уехал на работу, а Марина предложила прокатиться на катере по заливу.

- А тебя не укачает? – спросила Карина.

- Еще чего! Я море обожаю! – весело ответила Марина. – Знаешь, а тут есть две бухты Марина Гранде и Марина Пиккола, то бишь Марина большая и маленькая. Представляешь, сколько шуточек я выслушала от Берта на эту тему?

- Он прикольный, - ответила Карина. – И мне очень понравился.

- А итальянцы все прикольные, - засмеялась Марина. – Это их, можно сказать, национальная черта.

- И что в этих бухтах? – перевела разговор Карина.

- Там размещается соррентийский порт, и оттуда отходят суда в Неаполь, на Капри.

- Ты собираешься поехать такую даль?! – притворно испугалась Карина.

Но Марина только улыбнулась и провела рукой по ее пышным кудрям.

- Мы не можем уехать такую даль, девочка моя, – ласково проговорила она. – Сегодня вечером явится Бьяджо. И я неустанно продумываю меню ужина.

После прогулки на катере, Марина потащила сестру в город. На одной из улочек они зашли в мастерскую, где изготавливали красивые деревянные поделки прямо на глазах у посетителей. Карина приобрела небольшую статуэтку девы Марии, резную шкатулку, подсвечник и несколько брелоков. Один из них, самый простой, был выточен в виде длинной капли, и она, когда выбрала его, почему-то думала об Андрее.

Вечером она помогла сестре с ужином. Умберто и Бьяджо явились вместе. Они были оживлены, без конца шутили, много ели и пили, не устывая восхвалять красоту русских девушек. Бьяджо смотрел на Карину весьма недвусмысленно, и она с испугом ждала, что он вот-вот перейдет к решительным действиям. Умберто на пару с женой активно подталкивали его к этому. Но Бьяджо медлил с объяснением. Поздно вечером он решил уехать домой, хотя его уговаривали остаться ночевать.

Следующие три дня до отъезда были насыщены прогулками по городу и окрестностям, посещением музеев, катанием по заливу. Марина несколько раз пыталась серьезно поговорить с сестрой по поводу явного увлечения Бьяджо, но та только отшучивалась и говорила, что сам он пока ничего конкретного ей не предложил.

Утром в день отъезда, когда Карина укладывала вещи в сумку, Марина сидела на кровати и внимательно наблюдала за ней. В ее глазах стояли слезы.

- Не нужно огорчаться, - мягко говорила Карина. – Приедешь домой, хотя бы на Новый год. Да и мама к тебе собиралась.

- Она уже два года собирается, - хмуро ответила Марина. – Вас не дозовешься! Ты-то куда так торопишься? Можно ведь на месяц остаться. Все равно пока не работаешь!

- Поэтому и тороплюсь, - сказала Карина и села рядом, обняв ее за плечи. – Отдохнула я замечательно, с тобой повидалась, чего ж еще? Пора и о работе подумать! А то год учебный уже начался.

- А Бьяджо? – тихо спросила Марина. – Он ведь славный парень! И как было бы хорошо..., - тихо добавила она, с надеждой глядя на сестру.

Но Карина не ответила. Она посмотрела в окно, на открывающуюся морскую даль, и вдруг остро захотела быстрее оказаться дома.

Бьяджо примчался на вокзал с букетом красных роз. Заплаканная Марина поцеловала сестру, взяла Умберто под руку и медленно пошла по перрону, не оглядываясь. Бьяджо мельком глянул им вслед, потом повернулся к Карине и глубоко заглянул в глаза.

- Не прощаюсь, дорогая, - сказал он, явно волнуясь. – Не забуду. Можно звонить?

Карина смотрела в его черные блестящие глаза, потом перевела взгляд на яркие полные губы, на выющиеся пряди густых волос, падающие ему на лоб, заметила на подбородке свежую тонкую царапину. Видимо, Бьяджо брился торопливо и порезался. Ей было приятно, что этот милый итальянец так увлечен ей, но он вдруг показался ей настолько чужим, словно был с другой планеты. Неожиданно она представила его в деревенском палисаднике возле куста бузины и невольно улыбнулась нелепости этой картины. Бьяджо, глядя на ее улыбку, глотнул, двигая кадыком, словно ком в горле застрял, пробормотал: «Arrivederci!», повернулся и бросился вслед за Мариной и Умберто.

Карина вернулась в Воронеж и в ближайшие выходные после недолгого раздумья позвонила Андрею. Он оказался в деревне. Рано утром она села в пригородный автобус и поехала в Землянк. Когда подошла к дому, увидела, что Андрей стоит в палисаднике и красит забор в яркий синий цвет. За его спиной чернели ягоды бузины. Карина остановилась и жадно смотрела на эту картину. Ее губы начали улыбаться от возвращающейся радости.

- ...Дайте. Вместо Дворцов Искусств

Только этот бузинный куст..., - прошептала она и тихо засмеялась.

Андрей поднял голову, кисть замерла в его руке, лицо покраснело.

- Я вернулась! – сказала Карина, бросила сумку на траву и шагнула к нему.

Андрей выбежал из палисадника, крепко обнял ее. Она прижалась к нему всем телом, не переставая улыбаться и окончательно понимая, что только это и есть истинное счастье.

Аромат рябины

- Все, деточки, с меня хватит, – пробормотала Ирина Федоровна, снимая со сковороды последний кусок рыбы и аккуратно выкладывая его на большое плоское блюдо.

Она посмотрела на другие куски, над которыми поднимался пар, и начала резать укроп.

- Хватит! – повторила она решительно.

Потом посыпала рыбу укропом, вымыла руки и, забыв снять фартук, быстро вышла из кухни.

Зайдя в свою комнату, Ирина Федоровна стащила со шкафа дорожную сумку и начала укладывать в нее свои вещи. Деньги, свернутые в рулончик и перетянутые черной резинкой от бигуди, она засунула себе за пазуху. Забрав из комода свои документы, Ирина Федоровна завернула их в старый газетный лист и, подумав секунду, спрятала на дно сумки. Тщательно пригладив растрепанные седые волосы, она накинула летний плащ прямо на ситцевый застиранный халат и, так и не сняв фартук, вышла из квартиры. Сумка показалась ей довольно

тяжелой, но Ирина Федоровна закинула ее на плечо и быстрым шагом спустилась по лестнице. Раскрыв дверь подъезда, она глубоко вздохнула и стремительно отправилась по улице.

Что на нее нашло, она сама не понимала. Жилось ей в семье сына хорошо, с невесткой она ладила, а пятилетнего внука Тему обожала. Всю жизнь Ирина Федоровна жила по правилам. Она была образцовой дочерью, потом женой, матерью, бабушкой. Она отлично училась в школе, потом в техникуме, затем работала бухгалтером. Когда вышла на пенсию, то ревностно занялась хозяйством, ежедневно прибирала и намывала свою крохотную однокомнатную квартиру. А потом умер от сердечного приступа ее муж, и сын уговорил переехать к нему. Она сдала свою квартиру молодой паре и перебралась к детям. И тут Ирина Федоровна всячески старалась быть полезной. Она убирала, стирала, готовила, ходила за продуктами, занималась с Темой, и все делала с удовольствием. Так прошло пять лет. Вчера ей исполнилось шестьдесят два. И вот сегодня что-то произошло, какой-то внутренний голос сказал: хватит! И она послушалась. В один миг разорвала привычный нескончаемый круг и вышла из него.

Ирина Федоровна даже не задумывалась куда направиться. Она просто шла, словно кто-то звал ее, и чувствовала в душе все разрастающуюся радость. Или это цвета уже блекнувшей августовской листвы так действовали на нее, начинающие краснеть гроздья рябиновых ягод, тон ярко-синего, почти осеннего неба. А может, монотонное жужжание стремящихся в дом толстых мух нагнало на нее это странное настроение, она не понимала. И, не задумываясь, шла и шла.

Когда Ирина Федоровна оказалась на автовокзале, она купила билет, села в автобус и стала смотреть в окно отсутствующим взглядом. Через два часа она сошла возле деревеньки, в которой родилась и выросла. И опустив сумку на жухлую пыльную траву, огляделась. При виде знакомых березок, правда, сильно подросших за те годы, что она их не видела, узкой улочки все с теми же домами, прячущимися за кустами сирени, палисадников с ярко цветущими георгинами и «золотыми шарами» Ирина Федоровна глубоко судорожно вздохнула. Кончики ее сжатых от волнения губ дрогнули и поползли вверх.

- А ведь я приехала наконец-то домой! – сказала она и, подхватив сумку, легкой походкой спустилась с пригорка по узкой тропинке.

И пошла вглубь деревни.

Последний раз она была здесь четыре года назад на похоронах своей старшей сестры. А потом почему-то все никак не могла заставить себя сюда приехать. Даже когда в прошлом году умер муж сестры, она не появилась. Дом, в котором жили сестра с мужем, а раньше она с родителями и бабушкой, по ее просьбе, заколотили.

Когда Ирина Федоровна, пройдя почти через всю деревню и здороваясь с редкими прохожими, подошла к дому, то ее сердце куда-то ухнуло и словно остановилось. Остановилась и она, с трудом дыша и бросив сумку на землю. Дом стоял заброшенный, с заколоченными окнами. В палисаднике с невозможно разросшимися кустами сирени трава высилась почти вровень с облезшим, когда-то выкрашенным в голубой цвет забором. Рябина, которую посадила еще ее мать, сильно вытянулась и превратилась в раскидистое и высокое дерево. Скамейка возле палисадника, на которой они столько сживали с сестрой, лузгая семечки и обсуждая последние деревенские сплетни, покосилась набок и завалилась назад. Ее почти скрывали кустики чистотела вперемежку с крапивой. Ирина Федоровна подошла к покосившемуся забору палисадника и зачем-то сорвала гроздь красной рябины. Затем потерла ягоды в пальцах и, закрыв глаза, вдохнула горьковатый аромат. И вновь начала улыбаться. На душе становилось все светлее, и даже вид заброшенного дома не мог заглушить разгорающуюся в душе радость. Крапива затянула и калитку и ворота. Ирина Федоровна пролезла сквозь ее заросли, оживив голые икры, толкнула дверь и, навалившись на нее плечом, протиснулась внутрь.

Двор полностью зарос крапивой, бурьяном и коноплей. Она с трудом продралась сквозь эти заросли и поднялась на знакомо заскрипевшее крыльцо. Дверь в дом была закрыта. Боль-

шой висячий замок сильно заржавел. Ирина Федоровна потрогала его, потом, порывшись в сумке, достала связку ключей. Самый длинный был от этого замка, и она много лет хранила его. Она вставила его в замок и с трудом повернула. Затем, обмирая от волнения, вошла в дом. Затхлый запах нежилого помещения, темнота от закрытых ставень, очертания такой знакомой, старой мебели, сбивающиеся под ее ногами тканые половики, вызвали невольные слезы, но на душе внезапно полегало.

- Приехала, - тихо сказала Ирина Федоровна, опускаясь на продавленный диван и обводя взглядом полумрак гостиной. – Вот я и дома!

На следующий день она сходила на кладбище. Все ее родные покоились здесь. Ее порадовало то, что могилы оказались в порядке, ухоженные и чистые. Ирина Федоровна думала, сидя на скамейке и глядя на аккуратные холмики, что и сама когда-нибудь будет лежать здесь и что это, по-видимому, совсем не страшно и даже приятно покоиться в родной земле, когда над тобой шелестят березки, а рядом спят все родные. Она вернулась домой и рьяно взялась за уборку.

Через неделю практически непрерывной работы дом и огород были приведены в порядок. Ирина Федоровна чувствовала усталость, но она была легкой и приятной. Соседи приходили к ней, но видя, как она сосредоточенно работает, сидели недолго и, сообщив последние новости, уходили, обещая обязательно заглянуть, когда она освободится от хозяйственных забот. Ирина Федоровна всех встречала приветливо, но на расспросы отвечала скупой. Но дала понять, что вернулась насовсем. Односельчане, посудачив между собой, решили, что уехала она из города исключительно из нежелания жить на чужих хлебах. Скоро ее приезд уже не был новостью «номер один». К тому же она была местной, своей, хотя уехала в город давным-давно, поэтому интерес к ее возвращению быстро угас.

Через полмесяца Ирина Федоровна окончательно освоилась со своим новым образом жизни и чувствовала себя в родном доме все лучше и лучше. После бурного и неприятного разговора по телефону с сыном ничто более не выводило ее из равновесия. Она полюбила сидеть вечерами на крылечке, отдыхая после хлопотного дня. Поглаживая и разминая уставшие пальцы, прислонившись спиной к теплему дереву, Ирина Федоровна слушала обычный вечерний шум деревни и любовалась закатами, которые, как всегда радовали и удивляли необычайно яркими и сочными красками. Она следила, как медленно меняется цвет неба и облаков, как освещение мягко угасает, а тени удлиняются и густеют, как туман наползает с поля на огород, как стаи грачей летят над головой четкими черными крестами и, пошумев, устриваются на ночевку на раскидистых высоких тополях. Ирина Федоровна дожидалась, когда закат окончательно отгорит, звездочки заискрятся отчетливо и ярко, и шла в дом. Засыпала она теперь мгновенно и спала спокойно и крепко, как в детстве. Облик ее постепенно начал меняться. Лицо разгладилось и посвежело, одутловатость исчезла, обычно поджатые губы расправились и их уголки приподнялись, глаза распахнулись и посветлели. Она полюбила одиночество и возможность распоряжаться своим временем по собственному усмотрению.

Начало сентября выдалось ясным и необычайно теплым. И Ирина Федоровна стала часто уходить на длинные прогулки. У нее был излюбленный маршрут. Деревня располагалась на довольно высоком и длинном холме. Внизу расстилались поля, уже давно не обрабатываемые и заросшие густой травой и цветами. Все улочки сходились в одну дорогу, которая спускалась с холма в степь и проходила возле небольшого, почти круглого по форме соснового леска с разлапистыми, причудливо изогнутыми от сильного степного ветра деревьями. Чуть дальше виднелись изгибы блестящей ленты реки, берега которой были окаймлены кустарниками и редкими тополями. Ирина Федоровна выходила из деревни и останавливалась на холме, в том месте, где дорога спускалась в степь. Она любила стоять и смотреть на открывающийся перед ней простор. Потом шла быстрым шагом вниз по дороге, но почти всегда сворачивала к крохотному родничку с чистой ледяной водой.

Но иногда она не спускалась в степь, а шла в смешанный лес, который тянулся на несколько километров, вплотную подходя к соседней деревне. Когда она возвращалась обратно, то обязательно усаживалась на пригорке, густо поросшем лесной клубникой вперемежку с кустиками чабреца и клевера. Это было ее любимое местечко еще с детства. Ее взгляд скользил по изгибам дороги, по разноцветью степи, по длинной ленте реки. Она смотрела вдаль на линию горизонта, на темнеющие перелески, на облака, всегда разные и постоянно меняющие форму и цвет. Птицы пролетали над ее головой, жучки копошились в траве у ее ног, мухи жужжали возле ее лица, но было четкое ощущение, что она одна и никому в мире нет до нее никакого дела. И это необыкновенно успокаивало и умиротворяло. Ее глаза начинали сиять тихой тайной радостью, губы складывались в легкую улыбку, душа чуть ныла и словно просила о чем-то.

Как-то утром, повинаясь внезапному порыву, Ирина Федоровна открыла старую тумбочку, в которой хранились никому ненужные вещи, и достала свой альбом для рисования, оставшийся еще со школы. Она опустила на пол и начала внимательно разглядывать рисунки. Неожиданно они показались ей необычайно удачными и красивыми. Зеленая гусеница бабочки-капустницы, лежащая на листе лопуха, четко прорисованные «анютины глазки», ярко сияющие на черной влажной земле, чуть раскрывшийся бутон розового шиповника с забирающимся внутрь толстым мохнатым шмелем. Альбом до конца заполняли такие зарисовки, выполненные цветными карандашами. В конце были вложены три акварели на отдельных более плотных листах. Ирина Федоровна внимательно смотрела на изображение реки на закате с водой алого цвета и такого же тона небом, на осенний желтый от листвы, пронизанный солнечным светом березняк, на скошенный луг с маленьким лохматым стожком на краю и тоненькими кривоватыми березками рядом. Акварели были нарисованы небрежно и как бы наспех, но все равно выглядели удивительно живыми. Ирина Федоровна долго не выпускала свои работы, вытирая невольные слезы. Затем нехотя закрыла альбом и убрала его в тумбочку.

Какое-то время она сидела, хмурясь и о чем-то напряженно раздумывая, потом быстро встала, подошла к печке и достала из нее кусочек угля. Вновь открыв тумбочку, нашла пожелтевший лист картона и уселась на пол. Она торопливо провела несколько линий угольком, чувствуя невероятное удовольствие от давно забытых ощущений, которые рождались в кончиках пальцев. Душа словно размягчалась вслед за движением угля и появляющимся рисунком. Закончив набросок, Ирина Федоровна цепко глянула на картон и довольно улыбнулась. Старый деревянный дом с покосившейся крышей, на которой сидел толстый сердитый кот, хоть и были прорисованы одними черными линиями, выглядели живыми. Ирина Федоровна поставила картон в комнате на стол, прислонив его к вазе с букетом полевых цветов, и, полюбовавшись еще несколько минут, быстро собралась и вышла из дома. Она не заметила, как дошла до трассы. Остановив попутку, Ирина Федоровна доехала до ближайшего районного центра. Часа через три она вернулась рейсовым автобусом. В руках у нее был большой пакет, который она несла так бережно, словно в нем находились хрупкие яйца. В пакете лежали карандаши, кисточки самых разных мастей, тюбики с масляными красками, коробочки с акварелью и несколько листов грунтованного картона.

На следующий день Ирина Федоровна проснулась на рассвете в необычайно возбужденном состоянии. Она оделась, наскоро выпила чай, сложила в хозяйственную сумку краски, кисточки, несколько листов картона и вышла во двор. Солнце еще не встало, но все ждало его прихода. Природа просыпалась. Небо было непередаваемо нежного розового цвета. Туман, такого же цвета, как небо, стлался по земле плотным слоем. Ирина Федоровна вышла из деревни и остановилась на краю холма. Туман закрывал дно низины сплошной серо-розовой массой, линия горизонта тонула в ней, и казалось, что небо легло на землю и стелется прямо под ноги. Выступающие кое-где из толщи тумана лесные массивы выглядели темными зигзагообразными облаками на этом небе. Ирина Федоровна стояла несколько минут в оцепенении,

не в силах оторвать глаз от этого фантастического зрелища. Она вбирала в себя нежнейшие цвета красок, переходы тонов, чистоту и свежесть наступающего утра и, словно наполнившись доверху, выхватила из сумки картон и начала набрасывать карандашом контуры пейзажа. Не останавливаясь, нанесла акварелью основные цвета. Она видела, насколько стремительно меняются оттенки красок из-за все разгорающегося солнечного света, и спешила зафиксировать первоначальную картину. Ей хотелось передать именно эту фантастическую смесь розового неба и тумана, сквозь которую смутно проступали очертания лесов, то, что она увидела в первую минуту, когда пришла сюда. Когда эскиз был закончен, солнце уже встало и весьма ощутимо грело ей затылок. Ирина Федоровна отложила в сторону зарисованный лист и достала из сумки другой. Развернувшись, она пробежала взглядом по окрестностям. Все вокруг виделось ей удивительно прекрасным.

- Но разве я смогу все это зарисовать сегодня? – нервно воскликнула она. – Нужно остановиться на чем-нибудь одном.

Ирина Федоровна заправила под платок растрепавшиеся пряди и постаралась сосредоточиться. Ее взгляд отсек все ненужное и оставил, словно в огромном квадрате, часть старой изгороди из длинных деревянных жердей, выбеленных солнцем и ветром. Изгородь пересекала верхний левый угол квадрата. Перед ней росли прямо в небо высокие мальвы. Их роскошные крупные розовые цветы, пушистые зеленые листья и даже стволы были густо усыпаны капельками росы. В этот момент из-за мальв высунулся серый котенок-подросток и, подняв узкую мордочку, нахально и в то же время игриво посмотрел прямо в глаза Ирине Федоровне. Она на миг задержала взгляд на круглых зеленых, как окружающая трава, глазах котенка и вновь стала смотреть на картину в целом. Самое удивительное в ней было то, что вся она сверкала, словно осыпанная бриллиантовой пылью. Это происходило оттого, что все растения были заплетены множеством паутинок. Их контуры легко просматривались, потому что паутину густо усеивали мельчайшие, горящие на солнце росинки. Ирина Федоровна жаждала только одного в этот миг - запечатлеть. Понимая, что акварель такого сверкания росы не передаст, она наскоро зарисовала композицию карандашом, а переходы тонов наметила акварелью. Все остальное запомнила, словно сфотографировала взглядом. Побросав краски и карандаши в сумку, поспешила домой. Попадающиеся навстречу соседки окидывали ее недоуменным взглядом и, не видя в руках ни ведра, ни корзины, а только хозяйственную сумку спрашивали, откуда это она идет в такую рань. Она кивала им, но молчала. Не дождавшись ответа, они смотрели ей вслед, удивляясь странному выражению ее глаз, улыбке и легкости походки.

Зайдя в дом, Ирина Федоровна сбросила верхнюю одежду, отправилась в большую комнату, вынула эскизы и поставила их на стул так, чтобы свет падал на них из окон. Отойдя, она придиричиво и недоверчиво взгляделась в них и, неожиданно для себя, восхитилась. Несмотря на явную небрежность и незаконченность, эскизы словно впитали в себя ту живую и свежую красоту, которую она увидела утром. И ей нестерпимо захотелось переписать их масляными красками.

Весь следующий месяц Ирина Федоровна рисовала практически с раннего утра и до позднего вечера, пока ей позволяло освещение. У нее болели глаза, руки, плечи, ныло все тело. Но остановиться она не могла. В деревне все уже знали об ее увлечении. Вначале деревенские недоумевали и даже посмеивались над ее «придурью». Но когда директор местной школы организовала выставку, развесив картины в актовом зале и коридорах школы, то жители села, почти все побывавшие на этой выставке по несколько раз, радостно и как-то по-детски разволновались, потому что картины необычайно всем понравились. Они были яркими, как окружающий мир, и такими же родными и от этого понятными. Многие захотели купить картины, чего Ирина Федоровна никак не ожидала. Она решила просто раздарить их всем желающим, но директор школы отговорила ее от этого опрометчивого поступка, приведя простой, но убедительный аргумент.

тельный довод, что на краски и холсты требуется немало средств. И Ирина Федоровна согласилась.

Все двадцать пять выставленных работ были проданы и поступили заказы на новые, даже из соседних деревень. В районной газете появилась небольшая статья о даровитой художнице-самоучке и ее непростом творческом пути. Автор материала, молодой журналист, многое сочинил от себя, но весь район, читая статью, упивался неожиданно свалившейся на обычную местную деревню славой. Ирина Федоровна в мгновение ока стала знаменитостью. Но ее это только раздражало. Она всячески избегала посещения многочисленных мероприятий, организованных в ее честь, и частных и общественных. Но ей все прощали, понимая, что таланту необходимо уединение и что все одаренные люди «с приветом».

В тот день, когда унесли последнюю купленную картину, Ирина Федоровна села в большой комнате на стул и почувствовала странную пустоту внутри, словно только что забрали ее последнего ребенка, и она осталась в неприятном одиночестве. Она обвела комнату усталым взглядом, потом встала и, подняв с пола большой квадрат оргалита, уже покрытый белилами и хорошо просохший, поставила его на стул. Отойдя, села на диван и стала пристально смотреть в это белое пространство. И увидела, как постепенно проступают очертания деревянных домов, потемневших от дождя, редкие березки за ними, нахохленных воробьев, сидящих на заборе под мокрыми ветками сирени, размытую дорогу с огромной лужей, в которой отражаются низкие серые облака. Ирина Федоровна даже ощутила сырой и свежий запах дождя, и ей вновь нестерпимо захотелось зафиксировать это видение как можно точнее. Она вскочила и, взяв пластиковую крышку от коробки с акварелью, служившую ей палитрой, выдавила на нее немного белил и синего кобальта. Кисточкой стала наносить краски, мазок за мазком, на верхнюю половину квадрата, помогая, где нужно мастихином, а где и пальцем. И скоро на картине появилось небо...

Лучик

Он бросил ее подло. Вероника смотрела на дисплей телефона и не понимала. Она снова и снова читала короткое сообщение, но казалось, ее любимый написал на каком-то неведомом языке, в котором она не понимала ни слова. Отодвинув телефон, она стала смотреть на его гладкую золотистую поверхность все с тем же выражением непонимания. После получасовой протрации Вероника вновь открыла сообщение и медленно вслух прочитала:

- «Я решил уйти от тебя. Это окончательно. Не звони, не пиши. Я больше не люблю тебя».

Она замолчала, словно прислушиваясь к чему-то и не сводя глаз с дисплея. Вдруг ее глаза расширились, словно смысл этого послания только что дошел до нее, и Вероника бурно разрыдалась, отбросив телефон. Она будто обезумела, упала на пол и начала кататься, выкрикивая сквозь рыдания:

- Но я-то люблю тебя! Люблю! Больше жизни! Больше всего на свете! Люблю! Люблю!

Через какое-то время Вероника затихла, так и оставшись лежать на полу.

С Толей она познакомилась год назад. Это произошло на праздновании ее дня рождения. Веронике исполнилось восемнадцать. Она решила устроить вечеринку и собрать близких друзей. Родители уехали на дачу на выходные, предоставив квартиру в ее полное распоряжение. Погода стояла теплая, под окнами густо цвела черемуха, и Вероника распахнула балконную дверь, впустив сильный сладкий аромат в комнаты. Ребята должны были прийти с минуты на минуту, и Вероника уже накрыла стол. Она глянула на тарелки с красиво украшенными бутербродами, на торт с розовой кремовой надписью «С Днем Рождения, Ника!», заказанный мамой, на фрукты, выложенные на плоское хрустальное блюдо, и быстро пошла на кухню. Достав из холодильника две бутылки шампанского, выставила их на стол и бросилась к зеркалу. Внимательно осмотрев свое раскрасневшееся хорошенькое личико с большими серыми глазами и

круглыми щеками, поправив русую подвитую челку и длинные локоны, Вероника отступила назад и оглядела свой наряд. Она решила одеться принцессой из сказки. Голубое атласное платье с пышной юбкой и затянутой талией красиво подчеркивало ее стройную фигуру. Белые туфли на высоких каблуках делали ее выше и изящней. Она заулыбалась, глядя на себя, потом закружилась по коридору.

Звонок в дверь заставил ее резко остановиться. Она засмеялась и бросилась открывать.

- С днем рождения! – закричали хором ребята, вваливаясь в коридор.

Они принесли целый ворох разноцветных воздушных шаров, букеты цветов и коробки конфет. Но увидев именинницу, остановились и замолчали.

- Ну, ты сегодня вообще! – первым нарушил молчание Дин, парень с которым она обычно сидела на лекциях в академии.

- Реально круто выглядишь! – подтвердила Туся, ее ближайшая подруга, выглядывая из-за спины высокого парня, который был Веронике незнаком.

Она скользнула взглядом по его спортивной фигуре, коротким темно-каштановым волосам, улыбающимся губам и отчего-то начала смущаться. Парень в упор разглядывал ее, потом шагнул к ней, картинно склонился и поцеловал руку. Как оказалось, это был старший брат Виталика, парня Туся. Звали его Толя. Ему было 25 лет, и он показался Веронике взрослым и солидным. Остальные ее друзья были ровесниками. Они оканчивали первый курс финансово-промышленной академии.

Выпили шампанское, подняв тост за здоровье именинницы, потом высыпали на балкон. Вероника жила на пятом этаже.

- Давайте шарики отпустим? – неожиданно предложила Туся. – Прикольно выйдет!

- Ну, если Веронике не жалко! – расхохотался Виталик.

- Я могу ей хоть сто штук других купить, – громко заявил Толя, и все замолчали и с удивлением посмотрели на него.

Но он улыбался безмятежно.

Туся толкнула в бок подругу и зашептала на ухо:

- Толька-то в тебя влюбился! Точно! Он классный! Работает менеджером в строительной компании, своя квартира имеется и тачка. Мне Виталик говорил.

- Глупости, – прошептала в ответ Вероника, наблюдая, как Дин развязывает шарики и раздает их ребятам. – К тому же он слишком взрослый для меня.

- Здравсьте! – расхохоталась Туся. – В самый раз!

- Да? А твоему Виталику восемнадцать! – резонно заметила Вероника и взяла красный шарик из рук Дина.

- И чего хорошего? – сказала Туся. – Я так, ради прикола с ним встречаюсь. Может, скоро и разбежимся.

- Что ты? – удивилась Вероника и заглянула ей в глаза. – Вы ведь вместе уже полгода.

- Подумаешь! – хмыкнула Туся.

- С днем рождения, Ника! – закричали в этот момент ребята и бросили шары.

Ветер подхватил их и понес над двором. Все засмеялись, начали целовать друг друга.

- Желаю счастья, малышка! – услышала Вероника и тут же почувствовала горячие губы на своей щеке.

Она отпрянула и близко увидела смеющиеся глаза Толи.

Через неделю они начали встречаться. Толя ухаживал красиво, дарил букеты, приглашал в рестораны, водил по выставкам. К удивлению Вероники он оказался любителем классической музыки. И довольно часто они посещали концерты. Но девушка на них откровенно скучала, так как не понимала и не воспринимала классику. Она любила панк и рок. Как-то они даже поссорились из-за этого. Проведя два часа на скучнейшей, как ей показалось, программе в

консерватории и чуть не заснув от звуков «Прощальной симфонии» Гайдна, Вероника вышла на улицу в крайне раздраженном состоянии и с недоумением смотрела на сияющее лицо Толи.

«И чего такого он находит в этой заунывной музыке? - думала она, идя к машине. - Вначале она нагоняет тоску, потом хочется зевать, а потом вообще смыться, куда подальше».

- Тебе понравилось, малышка? - с улыбкой спросил Толя, когда они уселись в машину.

Вероника обычно никогда с ним не спорила, считая, что он старше и поэтому разбирается в каких-то вопросах намного лучше ее. Она просто выслушивала его рассуждения и со всем соглашалась. Но за последний месяц это был уже четвертый поход в консерваторию, и Вероника решила, что с нее хватит.

- Знаешь, - тихо начала она, - я вообще-то люблю рок.

- Что? - изумился Толя. - Но как ты можешь сравнивать? Классика - это вечно, а твоя попса - сиюминутно.

- С чего ты взял, что это попса? - засмеялась она.

- А что еще? - агрессивно ответил он. - Вот ты только что прослушала великую музыку великого Гайдна. Это известная симфония, ты же видела, что в финальной части оркестранты один за другим заканчивают свои партии и удаляются, а на сцене остаются только две солирующие скрипки.

«Лучше бы они сразу все ушли!» - подумала Вероника и невольно начала улыбаться.

- И это было неспроста, - торопливо продолжил Толя. - Австрийский князь Миклош перестроил фамильный охотничий дом в роскошный дворец. Гайдн работал там. Но он и все музыканты капеллы не имели права покидать Эстерхазу, пока там находился князь. И вот музыканты попросили Гайдна написать пьесу, которая напомнила бы его высочеству, что ему давно пора возвращаться в Вену. Так появилась знаменитая «Прощальная симфония».

Вероника отвернулась, с трудом сдержав зевок. Все эти подробности из жизни давно умерших классиков навевали на нее скуку. Хотелось включить телефон и послушать что-нибудь бодрящее.

- А ты мне о какой-то невнятной попсе! - саркастично добавил Толя.

- Чтоб ты понимал! - обозлилась Вероника. - Рок-группы существует, многие успешны, катаются с гастролями по всему миру и имеют армии фанатов.

- Ну-ну! - хмуро заметил Толя и замолчал.

Вероника, отчего-то окончательно разозлившись, выскочила из машины и решительно двинулась к метро. Толя не стал догонять ее. Это была их первая размолвка за два месяца встреч.

Но уже на следующий день он приехал с букетом нежно-розовых мелких кустовых роз. Вероника почти не спала, переживая из-за размолвки. Она даже решила с утра отправиться на дачу и провести там какое-то время. Летнюю сессию она сдала и была свободна. Родители находились на даче со вчерашнего вечера. А она осталась и очень сожалела сейчас об этом.

«Вот уехала бы с ними, - думала она, бродя по квартире и не зная, чем себя занять, - мы бы не поссорились».

Но когда появился Толя с немного смущенным видом, она почувствовала, что все снова в мире хорошо.

- Не понимаю, почему мы повздорили, - удрученно сказал он.

- И я не понимаю, - ответила Вероника.

Толя шагнул к ней, обнял и начал целовать. Розы упали на пол, но Вероника не прореагировала. Скоро они оказались в ее комнате.

И все случилось. Поняв, что это у нее в первый раз, Толя вначале выглядел обескураженным. Он до этого не раз намекал Веронике, что пора бы заняться любовью по-взрослому, но она всегда отказывала ему, не объясняя причину. И сейчас поняв, в чем дело, он начал гово-

рить ей, что счастлив и любит ее. Это было его первое признание, и Вероника с замиранием сердца слушала нежные слова и уверения в вечной преданности.

- А ты любишь меня? – тихо спросил Толя, видя, что она лежит неподвижно и закрыв глаза.

- Люблю, - после паузы прошептала она и тут же почувствовала его поцелуи.

Все выходные Толя провел у нее, благо родители до понедельника были на даче. Он, правда, предлагал поехать к нему, но Вероника отказывалась. Дома ей было спокойнее. И после этих совместных выходных, когда они практически не вылезали из постели, Вероника окончательно потеряла голову. Чувства нахлынули с такой силой, что она постоянно находилась в какой-то прострации. Толя присылал нежные сообщения, старался проводить с ней почти все свободное время, дарил милые приятные безделушки.

В августе у него был недельный отпуск, и Толя предложил поехать вместе куда-нибудь на острова. При этом сказал, что все расходы за его счет. Вероника была на седьмом небе от счастья. Но ее родители резко воспротивились, и Толя уехал один. Она впала в черную меланхолию, не разговаривала с родителями, почти не спала и не ела, в результате чего похудела на несколько килограмм. А когда он вернулся, посвежевший, загоревший и полный сил, Вероника вновь воспрянула духом. Но к ее удивлению, Толя уже не выглядел таким влюбленным. Хотя, возможно, во время разлуки ее страсть настолько возросла, что по сравнению с нею, чувства ее парня казались ей остывшими, хотя, по-видимому, он относился к ней по-прежнему.

Осенью они встречались регулярно. Толя был мил, предупредителен, и они практически не ссорились. Вероника для себя решила, что это судьба, настоящая любовь, и они поженятся, хотя Толя ей об этом никогда не говорил. Но она и не беспокоилась, считая, что еще слишком юна для брака.

Новый год они провели в подмосковном пансионате, и Вероника была необычайно счастлива. Толя, видя, как она постепенно меняется, как раскрепощается, как начинает понимать и принимать какие-то вещи, которые раньше ей были недоступны в силу возраста и неопытности, стал более активным. При этом он говорил ей, что наконец-то видит рядом с собой обольстительную женщину, а не девчонку-неумеху, которая вздрагивает при одном виде его наготы.

Их отношения были стабильными, ровными и не предвещали никаких потрясений. Реально они поссорились лишь один раз в тот день, когда слушали «Прощальную симфонию» Гайдна. Но Толя, по-видимому, сделал выводы и больше на темы, связанные с музыкальными пристрастиями, не разговаривал. И в консерваторию стал приглашать намного реже.

Вероника любила его все также сильно и страстно и на других парней даже не смотрела. Но в начале июня она начала замечать, что Толя странно переменялся. Он стал реже встречаться с ней, объясняя это непомерной занятостью на работе, иногда забывал, если они были не вместе, позвонить перед сном и пожелать спокойной ночи. И вот однажды он пропал на неделю. Вероника вначале ждала его звонка, потом набрала сама, но он сбросил вызов. Она, чувствуя, как сжимается сердце от непонятного волнения, вновь набрала его номер. И вновь звонок был сброшен. Тогда она послала сообщение с просьбой объяснить, в чем дело. Но Толя не ответил. Так продолжалось почти две недели, и Вероника поджаривалась на медленном огне. Мучилась она необычайно, но не хотела, чтобы кто-нибудь видел это, и на людях выглядела как обычно. У нее заканчивалась сессия. Вероника неимоверным усилием воли заставляла себя готовиться к экзаменам. Она все благополучно сдала. Толя так и не объявился. И вот спустя еще неделю она получила это жуткое сообщение: «Я решил уйти от тебя. Это окончательно. Не звони, не пиши. Я больше не люблю тебя».

До вечера Вероника лежала в полуобморочном состоянии. После бурных и продолжительных рыданий она оцепенела и плохо понимала, что с ней происходит. Вся ее счастливая и такая понятная жизнь в один миг рухнула, словно она из солнечного радостного теплого дня попала в какое-то мрачное зазеркалье, где ее окружала холодная страшная темнота. Если бы

Толя пришел и поговорил с ней, или хотя бы позвонил и все объяснил, ей, возможно, было бы легче перенести разрыв. Но уйти вот так, не сказав ни слова! Вероника пыталась понять, но не могла. И от этой неизвестности, от этого непонимания, что же все-таки произошло, отчего Толя, ее суженый, ее единственный, разлюбил, почему не захотел что-либо объяснить, она впала в смертельную тоску.

Когда родители вечером вернулись с работы, у Вероники хватило сил притвориться будто у нее страшно разболелась голова и поэтому она не хочет ни с кем общаться. Мама приготовила травяной чай, посочувствовала, что она так переутомилась на экзаменах и посоветовала раньше лечь спать. Вероника улеглась в постель и закрыла глаза, но думала лишь о том, что Толя обязан вернуть ей ключи от квартиры. И это давало ей хоть какую-то надежду на встречу. Она зацепилась за эту мысль, и даже начала потихоньку приходить в себя.

Около года назад Вероника сильно задержалась в академии. Она приехала домой на час позже, чем планировала. Но Толя все еще ждал ее, стоя у подъезда. Он не стал упрекать ее ни в чем, но девушка видела его недовольное лицо. И на следующий день сделала дубликат ключей и вручила Толе, сказав, что он может приходить к ним в любое время. Она ждала в ответ, что он тоже отдаст ей ключи от его квартиры, в которой они не раз ночевали. Но Толя этого не сделал.

«Не может же он просто оставить себе наши ключи, - твердила она, как заклинание. - Ведь я живу с родителями! Он должен их вернуть, раз между нами все кончено».

Но при мысли, что все кончено, Вероника почувствовала новый приступ отчаяния и с трудом удержалась от рыданий. Она не помнила, как заснула. Но спала долго.

Когда Вероника открыла глаза, было почти двенадцать дня. Солнце заливало комнату, птицы щебетали за окном. Вначале она бездумно смотрела на солнечные блики на потолке, на развевающуюся от сквозняка голубую капроновую занавеску, на начинающий увядать букет розовых пионов. Потом память резко вернула ей вчерашний день, и она тихо заплакала. Когда успокоилась, решила, что нельзя оставаться в квартире, необходимо выйти на улицу, отвлечь себя чем-нибудь, хотя бы походом по магазинам.

Вероника выпила чай, наспех оделась и, стараясь ни о чем не думать, вышла из квартиры. Возле их почтового ящика остановилась, заметив белеющее в прорезях дверцы письмо. Она достала мятый пухлый конверт без подписи, вскрыла его и дрожащими руками вынула ключи. Внутри не было записки, и это вызвало взрыв отчаяния. Она смотрела на мятый конверт, на ключи и испытывала неконтролируемый приступ ужаса. Ничего страшнее этого пустого конверта в ее жизни еще не было. И Вероника внезапно осознала, что теперь действительно все кончено. Она стояла неподвижно около десяти минут, потом скомкала конверт, сунула его вместе с ключами в сумочку и вышла на улицу. Поняв, что ничего уже не вернуть, она застыла душой. Но ее тело двигалось, словно само, и девушка отправилась по улице без всякой цели.

Через два часа Вероника, хихикая немного истерично, вернулась домой в компании с молодым симпатичным парнем, с которым познакомилась в кафе. Его звали Леша, он тоже только что сдал сессию, перешел на четвертый курс и пребывал в радужном настроении от предвкушения летних каникул. Познакомились они легко. Вероника зашла в первое попавшееся ей кафе выпить сок и съесть мороженое, Леша уже собрался уходить. Они столкнулись на пороге, Леша подобрал упавшую сумочку, потом представился, затем вернулся в кафе и угостил девушку мороженым. Общаться с незнакомым парнем Веронике оказалось странно легко. Психика отреагировала на невыносимо острое отчаяние тем, что словно стерла из памяти даже воспоминание о Толе. И Вероника изо всех сил удерживала в себе это ощущение внутренней пустоты. Ей так было намного легче. И показалось закономерным немедленно найти новую любовь, неважно каким способом, лишь бы ее застывшая душа начала оттаивать.

Когда парень заговорил с ней, Вероника охотно ответила. Ей понравился цвет его глаз. Он что-то напомнил ей. И хотя она подсознательно понимала, что цвет глаз Леша практически

такой же, как у Толи, старалась не акцентировать на этом внимание, а просто общаться с новым знакомым. Она сама пригласила его в гости. Леша явно удивился, но и обрадовался. Они зашли в квартиру, и Вероника, в душе изумляясь сама себе, спокойно сняла платье и, оставшись в одних, практически ничего не скрывающих трусиках, подошла к онемевшему парню. Она прижалась к нему и закрыла глаза. Слезы на миг обожгли, но тут же высохли. Ей было хорошо лишь оттого, что кто-то испытывает вполне определенное желание. Это придавало уверенности и поднимало самооценку. Они начали страстно целоваться. Но когда Леша повалил ее на диван, она оттолкнула его и вскочила, быстро натянув платье.

- Извини, - только и сказала Вероника. – Не сегодня! Слишком рано.

- Да, да, ты права, - растерянно ответил Леша и встал, застегивая рубашку.

Он обнял Веронику, тихо признался, что такой удивительной девушки еще не встречал, и предложил продолжить отношения. Она охотно согласилась, но тут же предупредила, что сегодня мать раньше обещала прийти с работы. Леша торопливо оделся, продиктовал ей свой номер телефона, записал ее, потом долго и страстно целовал в коридоре и просил сегодня же вечером позвонить ему. Вероника пообещала.

Когда за ним закрылась дверь, она пошла в душ, тщательно вымылась и, взяв газировку и чипсы, уселась смотреть одну из любимых мелодрам. Мысли текли неторопливо. Она вновь и вновь вспоминала Лешу, его поцелуи и объятия, его страсть, нежные слова и обещания. Ей было приятно. Боль от разрыва с Толей иногда возвращалась резким уколом, но Вероника старательно переключалась на Лешу. Правда, она решила, что сегодня звонить ему не будет, а позвонит завтра. Отключив телефон, она легла спать почти влюбленная в нового знакомого.

Но проснувшись утром, Вероника с изумлением поняла, что у нее пропало всякое желание общаться с Лешей. Словно за ночь память стерла приятные воспоминания о нем. Осталось одно недоумение. Вероника хмуро смотрела на себя в зеркало и с трудом понимала, как она могла так спокойно пригласить незнакомого парня к себе, да еще и целоваться с ним. Она включила телефон и тут же получила сообщение от Лешы с предложением встретиться. И не задумавшись ни на секунду, ответила, что не хочет продолжать отношения. Огорченный парень начал выяснять, что случилось, но она отключила телефон.

На улице стояла жаркая сухая погода, и Вероника решила отправиться на пляж. Она позвонила Тусе, та с радостью согласилась. Они встретились во дворе, так как жили в соседних домах.

- А ты чего никуда не поехала? – поинтересовалась Туся. – Мы с Виталиком завтра улетаем в Анапу. Может, с нами махнешь?

- Не-а, - ответила Вероника. – Предки хотят, чтобы я вначале в деревню на месяц, а потом с ними в августе в Анталию.

- Ясенько! – рассмеялась Туся. – А с Толиком никуда не поедешь?

- У него работы много, - нехотя ответила Вероника.

Она никому не говорила, что они расстались.

На пляже оказалось полно народу, просто полотенце некуда кинуть. Подруги устроились возле воды и сразу побежали купаться. Туся любила плавать и, набирая скорость, устремилась дальше от берега. А Вероника, побарахтавшись на мелководье, скоро вышла и улеглась на живот.

- Какой красивый купальник! – услышала она вкрадчивый мужской голос и повернула голову.

Возле нее сидел на корточках улыбающийся загорелый мужчина. Его сильно выгоревшие на солнце волосы казались белыми, глаза на темном лице выглядели пронзительно-синими, улыбка - белоснежной. Вероника почему-то зацепилась взглядом за ямочку на его подбородке.

- И хозяйка купальника тоже очень красивая, - не унимался мужчина. – И как же ее зовут? – поинтересовался он и смешно сморщил нос.

- Ника, - ответила она и села, стряхивая песок с коленей.

Мужчина опустился рядом.

- А меня Гриша, - сказал он и вновь широко улыбнулся.

На этот раз Вероника засмотрелась в его синие яркие глаза.

- А почему вы не на работе? – задала она довольно бесцеремонный вопрос. – Ведь сейчас разгар рабочего дня.

Григорий звонко расхохотался. Потом внимательно глянул на нее и ответил вопросом на вопрос:

- А вы? Ведь сейчас разгар рабочего дня! Но вы ловите загар!

- У меня каникулы, - улыбнулась она. – И я перешла на второй курс финансовой академии.

- Поздравляю! – сказал он. – А я театральный режиссер, поэтому мой рабочий график свободный.

- Да ладно! – не поверила она. – Сочиняешь!

- А мы уже на «ты»? – ласково проговорил Григорий. – Отлично! И ты просто прелесть! В этот момент из воды вышла Туся и с недоумением воззрилась на них.

- Что за чел? – поинтересовалась она.

- Здравствуйте, милая барышня! – с трудом сдерживая смех, произнес Григорий.

- Привет, мужчина! – ответила Туся и улеглась на полотенце.

Но скоро подружки почувствовали себя с новым знакомым так легко, будто знали его всю жизнь. Ему было тридцать лет. Григорий рассказывал смешные истории из актерской жизни, сообщил, что учился на курсе Марка Захарова, которого все студенты дружно звали Мраком, поведал им кое-какие закулисные тайны.

Когда Вероника поняла, что сильно обгорела на солнце и засобиралась домой, он предложил довести ее. И она легко согласилась.

- Ты с нами? – спросила она у нахмурившейся Туси.

- Нет, Виталик обещал после четырех прийти сюда. Буду ждать.

- Тогда пока! – беззаботно ответила Вероника, поцеловала ее в щеку и направилась вместе с Григорием с пляжа.

«Вот с такими взрослыми мужчинами и нужно встречаться, - думала она. – Они понимают толк в девушках. А то эти юнцы! Что в них хорошего?»

Когда они уселись в его серебристую машину, Вероника открыла окно и подставила разгоряченное лицо ветру. Григорий молчал. Но ей было комфортно. Он остановил машину во дворе возле ее дома и аккуратно припарковался под раскидистым кленом.

- Чаем напоишь? – с улыбкой поинтересовался Григорий. – А то от этой жары в горле пересохло.

Вероника кивнула.

Они поднялись в квартиру. И уже через пять минут оказались на диване в объятиях друг друга. Григорий показался ей очень странным в ласках. Но Вероника быстро поняла, что он все воспринимает, как спектакль, и выступает в качестве режиссера. И все эти команды: «целуй нежнее», «погладь меня по шее», «покусай слегка мои губы», «максимально расслабься» обращены к ней, как к актрисе, с которой он сейчас взаимодействует. Но Григорий был, несомненно, очень опытным мужчиной и доставил ей массу удовольствия даже невинными ласками.

Когда они, нацеловавшись до одури, упали на пол, и Григорий навалился на нее, задирая подол платья, она оцепенела. Затем оттолкнула его и вскочила.

- Ты чего? – глухо спросил он, глядя затуманенными глазами.

- Не будем! – сухо ответила она, поправляя подол. – Слишком рано. Я не готова.

- Как скажешь, - после паузы сказал он и встал.

Они уселись на кухне, Вероника разливала чай и смотрела на него почти влюбленно.

- А почему ты одинок? – поинтересовалась она.

- С чего ты взяла? – искренне удивился Григорий. – Вообще-то я женат, у меня и дочка есть.

Однако Веронике это почему-то не смутило. Она чувствовала, как нежность заполняет ее сердце, как внутри все тает и вновь приходит желание. Григорий внимательно глянул на нее, отодвинул чашку с недопитым чаем, встал, взял за руку и спросил:

- Может, все же, в кровать?

Вероника замерла, пытаясь разобраться в своих желаниях. Но потом отрицательно замотала головой и отодвинулась от него.

Перед его уходом они обменялись телефонами.

- Ты сообщи мне, когда можно заехать, - деловито сказал он и чмокнул ее в щеку. – И надеюсь, ты будешь готова... к любви.

- Хорошо, - улыбнулась Вероника и закрыла за ним дверь.

Потом оделась, взяла газировку и чипсы и уселась смотреть свое любимое кино.

Но наутро Вероника почувствовала, что совершенно охладела к Григорию и вряд ли еще захочет встретиться с ним. Он позвонил днем, сказал, что есть часок между репетицией и спектаклем, на что Вероника спокойно ответила, что передумала.

- И все-таки..., - начал Григорий.

- Только не доставай меня! Все кончено! – раздраженно кинула она и отключила телефон.

Потом надела майку и короткие шорты и вышла на улицу.

Вероника направилась в парк, который находился неподалеку от ее дома. По пути она купила минералку. Усевшись на свободную скамью в тени деревьев, задумчиво наблюдала, как воробьи дерутся из-за хлебных крошек.

«Я решил уйти от тебя. Это окончательно. Не звони, не пиши. Я больше не люблю тебя», - всплыло из памяти.

И Вероника тряхнула волосами и вздернула подбородок, упрямо сжав губы и стараясь стереть из памяти эти строки.

- Ты чего такая сердитая? – услышала она задорный мальчишеский голос и повернула голову.

К скамье подходил парень, на вид ее ровесник.

- А тебе какое дело? – недовольно ответила она.

- Да просто так! – засмеялся он и сел на скамью. – Можно?

- Место не куплено! – ответила Вероника и внимательно посмотрела на него.

Парень был обычным на вид, с приятным лицом и худощавой фигурой. На его носу Вероника заметила крохотные коричневые веснушки и отчего-то начала улыбаться.

- Тебя как зовут-то? – поинтересовалась она.

- Стас, - ответил он. – А тебя?

- Ника.

- Прикольно, - заметил он и пододвинулся. – У тебя каникулы?

- Ага, - кивнула она и протянула ему открытую бутылку. – Хочешь?

- Давай, - сказал он и отпил. – Жара стоит весь июль. Я скоро в деревню. Сессию сдал.

А ты в каком универе?

- Финансовом.

- А, понятно, а я в Бауманке. На третий перешел. А ты живешь тут рядом?

- Ага.

Стас взял ее за руку.

- А ты ничего так, даже симпатичный, - ухмыльнулась она, и сжала его пальцы.

- Ты тоже не страшная девка, - заметил он. – А парень есть у тебя?

- Расстались, - кратко ответила Вероника и отодвинулась.

- Да, ладно, не грузись! – посоветовал Стас. – Я тоже со своей разбежался неделю назад. И, как видишь, жив!

Он пододвинулся и обнял ее за плечи.

- Ты мне с первого взгляда понравилась, - признался он. – Вижу, сидит такая классная девчонка. Вот я и подошел. Телефон дашь?

Они обменялись номерами.

Потом встали и пошли по дорожке, болтая ни о чем. Через какое-то время увидели узкую тропку, уходящую влево, и за кустами поваленное бревно и следы старого кострища. Не сговариваясь, свернули туда и уселись на бревно. Стас вдруг обхватил Веронику и начал целовать. Она не сопротивлялась. Скоро они начали задышаться. Стас сдернул лямки майки с ее плеч. Вероника закинула голову и позволила целовать шею, грудь. Но когда он поднял ее и развернул спиной к себе, вырвалась, больно ударив его по рукам.

- Ты чего дерешься? – нервно спросил Стас.

- А ты чего шорты с меня стягиваешь? – в тон ему проговорила она.

- Прости, но ты же сама хотела, - тихо ответил он. – Я же почувствовал...

- Почувствовал он! – зло сказала Вероника.

Стас выглядел обескураженным и начал быстро повторять:

- Прости! Прости! Ты супер! Ты просто супер! У меня башню снесло!

- Хватит, – вяло ответила она. – Я домой пойду.

- А давай завтра еще погуляем? – предложил он и заулыбался.

Вероника глянула в его светло-карие глаза, на влажные красные губы и тоже начала улыбаться. Ей стало легко на душе, Стас вдруг показался ей близким, словно они были давно знакомы.

- Давай! – легко согласилась она.

- Класс! – обрадовался он. – Тогда до связи! Ты прости, машышка, но я уже опаздываю. У меня дела в этом районе. Я ж курьером летом работаю, вот решил через парк расстояние сократить.

- Сократил? – лукаво спросила Вероника и начала хохотать.

- Ага! – сказал Стас и тоже засмеялся. – Но так классно, что я сюда двинулся.

Они вышли на дорожку и направились в разные стороны.

Вечером Стас позвонил. Они мило поболтали около часа. Он очень нравился Веронике, и она уснула успокоенная. Но утром все странно повторилось. Вновь возникла апатия и нежелание общаться с новым знакомым.

«Что это? – думала Вероника, лежа в кровати и изучая потолок. – Почему я влюблена ровно один день? »

Но она не знала ответа на этот вопрос и скоро перестала об этом думать. Но Стасу, когда он снова позвонил, категорично отказала.

Так продолжалось до августа. Вероника легко знакомилась, честно пыталась удержать состояние влюбленности, которое появлялось после того, как она целовалась с очередным парнем, но оно на следующий день исчезало. И Вероника ничего кроме скуки не испытывала. Она перестала задумываться о происходящем и даже втянулась в процесс. Случайные парни отчего-то напоминали ей мотыльков-однодневок. Они словно умирали на следующий день после знакомства. Ей много звонили, но часто она даже вспомнить не могла, что это за Саша, Петя, или Макс, и просто сбрасывала вызовы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.